

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ)

УДК 159.9

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: БИОПСИХОСОЦИОНОЭТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ЗДОРОВЬЯ

Г.В. Залевский, В.Г. Залевский, Ю.В. Кузьмина (Томск)

Аннотация. Дискутируется вопрос о необходимости дифференцировать понятия «целое» и «система» в отношении человека (человека-личности). Подчеркивается, что «конституирующим фактором» в человеке как целостном образовании является его духовность. Обращается внимание на необходимость в теории и психологической практике иметь в виду, что духовность не исчерпывается только религиозной духовностью. Автор отстаивает идею биопсихосоционоэтической модели человека: его развития как личности и его здоровья.

Ключевые слова: антропологическая психология; биопсихосоционоэтическая модель; целое и система; духовность; здоровье.

«Главный объект психологии – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный, настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые взяты вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования». Эти слова известного отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина из его книги «Введение в психологию» [26], вышедшей 40 лет назад, в 1969 г., звучат так же актуально и сегодня, в эпоху «гуманитаризации» психологии, в признании необходимости деления психологии на психологию человека (антропологию) и психологию всех остальных живых организмов (зоопсихологию) и выделения духовности – действительно «человеческого в человеке» – в качестве предмета антропологической психологии (20) и «конституирующей особенности» [33, 34] в этом биопсихосоционоэтическом целостном образовании. Я хотел бы подчеркнуть эту мысль В. Франкла о духовности как конституирующем, а не системообразующем факторе. В.Г. Афанасьев называет этот фактор «фактором целостности» [1].

Дело в том, что, рассуждая о человеке-личности, вряд ли правомерно судить о нем как о системе и тем более вообще сводить антропологическую психологию к «системной антропологической психологии». Конечно, странно говорить об этом в эпоху все возрастающего «системного мышления» и «системного подхода», в том числе и в психологии, и сведения человека (человека-личности) к системе. Так, например, Ю.А. Урманцев пишет, что «любое вещество, любую особь живой при-

роды и человека, в том числе, можно понять только как систему, которая входит в систему объектов того же рода» [31. С. 46].

В теории психологических систем, предложенной В.Е. Ключко, «человек понимается как самоорганизующаяся система, т.е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении. Способность к инициативному поведению, за которой часто скрывается потребность в самореализации, способность «выходить за пределы», которую разные авторы полагают как свойство субъекта, личности, деятельности, психики, сознания, рассматривая их достаточно изолированно, в теории психологических систем понимается как свойство системы, по отношению к которой перечисленные конструкты сами являются подсистемами [14. С. 101]. Нетрудно заметить, что в данном подходе на место живого человека заступает нечто, относящееся лишь к категории «строительных лесов» [27] в его познании. В данном случае на место человека заступает система, которая тоже относится к «строительным лесам», но, как продуктивный методологический принцип, позволяет «увидеть за деревьями лес». Дело в том, что еще Л. Бертаганфи, как и большинство отечественных «системных теоретиков», отождествлял понятия «целое» и «система» [35], и лишь немногие в их соотношении видят проблему [36], а последняя сильно усложняется и решается не так однозначно, когда речь идет о человеке.

Так, например, В.П. Зинченко, при обсуждении докторской диссертации А.С. Арсеньева на страницах журнала «Развитие личности» [11. С. 227], говорит о том, что диссертант «вольно или невольно преодолевает методологические надолбы и рвы, доставшиеся нам в наследство от советской психологии. Первый из них – принцип системности, тесно связанный с заботой о конечных определениях. П.А. Флоренский сочувственно цитировал В. Ваккенродера, говорившего о том, что лучше уж суеверие, чем системоверие. В свою очередь,

П.А. Флоренский резонно утверждал, что система – в лучшем случае – результат события мысли, а не ее предпосылка. М.К. Мамардашвили был еще более категоричен: там, где система, там смерть, А.С. Арсеньев добавляет к этому неспособность любой системы выразить бесконечность отношения Человек – Мир, бесконечность человеческого развития». Кроме того, А.С. Арсеньев, по мнению В.П. Зинченко, «как бы возвращает человека к его духовным корням. Для проблемы развития это означает признание не только зависимости развития от внешних условий, но и его спонтанности. Он рассматривает диалектическую пару: развитие – раскрытие. Второму элементу пары психологи за редким исключением (А.В. Запорожец, Б.М. Теплов) почти не уделяли внимание» [11. С. 227].

Очевидно, что человек не вписывается в систему, хотя и представляет собой некоторое целостное образование; можно полагать, что любая система может представлять собой целостное образование, но не всякое целостное образование обязательно является системой. Человек-личность и представляет, на мой взгляд, такое внесистемное образование, обладающее, во-первых, как системными, так и внесистемными качествами, во-вторых, между составляющими этого биопсихосоциодуховного образования нет той прямой зависимости, как это предполагает любая система; желательно (но не обязательно), как говорил еще Ювенал, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. А сколько случаев нам известно, когда в казалось бы здоровом теле оказывается нездоровый дух, примером чего могут быть проявления фанатизма, терроризма [9]. И наоборот, нередко проявление прямо-таки «железного» духа в слабом теле (Павка Корчагин, Алексей Мересьев и многие люди с серьезными физическими недостатками).

Можно предполагать, конечно, что человек рождается как системное образование и даже как целостная система, открывая или потенциально открытая, но в своем развитии по пути становления человека-личности, т.е. при гармоничном развитии, он приобретает все больше внесистемных качеств и проявляет их («поисковая активность», «надситуативная активность», «активная гибкость», «рефлексивность», «автономность», «самоактуализация», «трансцендентность», наконец). При определенных неблагоприятных условиях – биологических, психологических, социальных и ноэтических – развития человека связь между составляющими его данными становится все более жесткой (ригидной), какая-то из составляющих берет на себя системообразующую функцию, и он формируется, скорее, как система (асоциальная или патологическая), проявляющая себя, например, в разного рода и уровня фиксированных формах поведения (преступных, аддиктивных, невротических, бредовых – фанатичных и т.п.) [8]. Возможна и редукция человека-личности в направлении человека-системы тоже при определенных условиях и, видимо, прежде всего при ослаблении

или извращении конституирующей роли именно духовной составляющей человека.

Говоря о ноэтической или духовной составляющей человека как целостного образования, я говорю о духовности, которая не исчерпывается только религиозной духовностью. К этому вопросу я уже имел возможность обратиться [10], но считаю необходимым на нем остановиться хотя бы кратко в контексте данной статьи.

Как свидетельствует уже в наше время практика оказания психологической помощи, психотерапевтической в том числе, из ее арсенала, даже в тех случаях, когда эта помощь оказывается в рамках биопсихосоциальной модели, нередко выпадает собственно духовный аспект. Правда, в рамках экзистенциального (В. Франкл и др.) и трансперсонального (Р. Мэй и др.) подходов духовный аспект находится как бы в центре внимания, но парадокс состоит в том, что он оказывается фактически и единственным, т.е. не встроенным в целостную модель, в которой бы учитывались «все миры» человека – биологический, психологический, социальный и духовный [7, 15, 36].

Отмечаемая и сегодня, эта тенденция, на наш взгляд, объясняется рядом обстоятельств как исторического, так и терминологического характера. К историческим причинам можно отнести то обстоятельство, что при развитии представлений о предмете психологии из него выпал духовный аспект, а понятия «духовность», «духовный» приобрели исключительно сакральный характер чаще всего употребляемых в церковной лексике в сочетании «религиозная духовность».

Об актуальности проблемы духовности в психологической теории и практике свидетельствует, например, дискуссия, организованная журналом «Психология. Журнал высшей школы экономики» в 2007 г.: «Психология – с религией или без нее?» [25] и «Психология и религия – дискуссия продолжается» [26].

Одни участники дискуссии высказались со всей определенностью, что духовность и родственные ей категории несомненно являются предметом научной психологии. Так, М.Ю. Кондратьев считает, что «духовность как личностное свойство, как характеристика личностной направленности, как базовая характеристика поведенческой активности являлась и является именно психологическим понятием, содержательно симбиозно связанным с такими категориями, как гуманность, сочувствование, в конечном счете, и доброта» [15. С. 21–22]. В.А. Пономаренко даже «чувствует себя неловко, когда читает статьи дискуссионтов в журнале», поскольку, с его точки зрения, «дух, духовность, душа, трансцендентность, хронотоп, иллюзии, мифы, сказки, аллюзии, вера, идеалы, сновидения, художественное, образное мышление, иконическая память, воля – это ведь предмет психологии» [24. С. 69]. Д.А. Леонтьев в этой связи ссылается «хотя бы на экзистенциальную философию и психологию... что в этой традиции мышления человеческая духовность, свобода, смысл, ценности и т.п. всегда

принимались как основополагающая реальность вне зависимости от принятия или отвержения религиозной веры, они из нее не выводились» [17. С. 61].

Некоторые другие участники дискуссии (А.В. Лоргус, А.А. Гостев, В.И. Слободчиков) придерживаются достаточно решительно иной точки зрения, считая, что духовность может быть предметом психологии, если она пойдет с религией не параллельным, так сказать, а одним путем. Так, А.В. Лоргус считает, что «главным тезисом в христианской психологии становится следующее: психология невозможна без духовно-ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа и дух, и одухотворенная телесность» [19. С. 61]. «Зарождающийся новый портрет психологии в интерьере современности», – считает В.И. Слободчиков, – характеризуется тем, что «базовой категорией структуризации общего развития – Зачем? – является степень восхождения к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях... это и есть предметно-проблемное поле исследований христианской психологии» [30. С. 92, 97].

А.А. Гостев справедливо отмечал, что «главным ценностно-образующим фактором всех отношений человека является совесть. Вне ее изучения «научные» разговоры о личности и духовности неполноценны. Но проблеме совести психологи уделяют поразительно мало внимания», в то же время он настоятельно советует «современным психологам воспользоваться теологическими описаниями предмета», опираясь на «православно-христиански ориентированное психологическое знание» (ППЗ)» [5. С. 41].

Если последовать совету А.А. Гостева, то мы, мне кажется, можем оказаться во временах, когда господствовала упомянутая выше «демоническая» модель психических расстройств. По его мнению, «основой православного взгляда на личностную психопатологию является понимание греха как ее источника, освоение понятия духовно-психологической нормы. Психопатология может быть рассмотрена как болезнь души, когда человек отклоняется от данного ему Творцом предназначения, утрачивает связь с Богом и внутреннее единство. Грех есть явление метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению. Особенности и мера этого несоответствия и определяет патологическую телесную, душевную и духовную жизнь. В психологическом плане грехопадение является нарушением в иерархии структур в человеке, приводящим к изменению его психологической природы. На вершине должен стоять Дух, дающий ясность и стройность психической жизни, центрирующий жизнь человека на Боге» [5. С. 42].

«В одном споре на обсуждаемую сейчас тему, – пишет В.М. Розин, – мой оппонент отказывал мне в духовности, поскольку я человек неверующий. Я же пытался ему ска-

зать, что духовность предполагает не веру, а особый способ жизни и жизненный путь, И, напротив, есть много верующих, живущих совершенно бездуховной жизнью» [28. С. 77]. «Зададимся вопросом вместе с Лоргусом: «можно ли представить себе живого конкретного человека без религиозности? Можно ли рассматривать человека, не имеющего религиозности совсем? Если это возможно, с точки зрения психологии, то какова практическая ценность такой науки?». «А почему и не представить нерелигиозного, но высокодуховного человека?» – спрашивает Г.В. Иванченкова [12. С. 53].

Д.А. Леонтьев, полемизируя, предлагает, совершенно справедливо, на наш взгляд: «во-первых, давайте разведем такие вещи, как вера, религия и церковь. Вера есть экзистенциальный феномен, сугубо личный. Чтобы верить во что-то, человеку не нужны ни храмы, ни священники. Именно вера, прежде всего, соотносится с такими феноменами, как духовность или совесть» [18. С. 59]. Его также «настораживает центральное положение статьи А.В. Лоргуса о том, что «психология невозможна без духовно ориентированного подхода к человеку...». Ему, как, кстати, и мне и многим другим, «очень хотелось бы уточнить, что стоит за словом «невозможно»: то ли то, что в психологии обязательно должен быть и такой подход и без него она неполна (с этим спорить сложно), то ли то, что психология должна базироваться только на таком подходе и ни на каком ином?»

В. Франкл [33, 34] сформулировал четкий операциональный критерий, почему религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи, религия «может быть лишь предметом, но не почвой, мы должны иметь возможность помочь любому человеку, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности, веры или ее отсутствия, в противном случае мы не сможем называться профессиональными психологами... помощь священника может быть тоже эффективной, но это будет другая форма работы, другая помощь» [34. С. 334]. В своей московской лекции В. Франкл говорил: «Богу, если он есть, важнее, хороший ли Вы человек, чем то, верите Вы в него или нет. Духовность не исчерпывается религиозностью» (цит. по: [18. С. 8–9]). Он же пишет: «Мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [34. С. 119].

Мне кажется, что человек – это еще и тот, кто борется против уничтожения людей в газовых камерах или, если иначе нельзя, прихватывает с собой хотя бы одного палача.

Еще в свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения ставил «перед собой проблему выявления специфики одухотворенного

поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека». Основной замысел теории речевого мышления Л.С. Выготского – показать специфику поведения человека, его отличие от других объектов естествознания. Речевое мышление выполняет здесь функцию модели одухотворенного поведения» [22. С. 19].

По мнению В.И. Кабрина, «в академической психологии эта проблема «брезжит» как проблема смысла в мозаичном многообразии масштабов и ракурсов. Феномен порождения или открытия смысла реальности не достигаем или не решаем ни в психофизиологическом соотношении («специфическая энергия органов чувств» Гельмгольца), ни в биопсихическом ракурсе (переход от «раздражимости» как органического процесса к «чувствительности» как сигнальному процессу при эволюционном изменении жизнедеятельности). И лишь возвращение культурно-исторического контекста обретения человеком смысловых отношений с реальностью как собственно коммуникативного, диалогического (акцентированного в работах М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, Дж.Г. Мида) восстанавливается в современной психологии» [13. С. 27]. По мнению М.М. Бахтина, «душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от Я)» [2. С. 184].

Соглашаясь с теми авторами, которые считают, что духовность есть понятие психологическое и является предметом научной психологии, удивляемся тому факту, что редко в каком психологическом словаре или энциклопедии приводятся его дефиниции. Тем не менее мы процитируем несколько определений духовности, которые приводятся в ряде работ.

Так, С. Крымский считает, что духовность – это принцип самостроительства человека, это выход к высшим ценностным ориентациям конституирования личности и ее менталитета. Л. Буюева определяет «духовность как восхождение личности к своим идеалам, ценностям», религиозный И. Ильин говорит почти то же самое, что «дух утверждает в человеке высшее достоинство и вызывает к его чести». По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [24. С. 69–70].

Один из иностранных участников упомянутой выше дискуссии Т. Де Чико приводит пример определений духовности и религиозности: «Духовность определяется как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания, смысла, цели и трансценденции. А религиозность определяется как набор норм поведения, ценностей и установок, которые опираются на ранее установленную

религиозную доктрину и институализированную организацию» [6. С. 47].

Нозтическая проблема, по мнению В.И. Кабрина, может быть обнаружена как фундаментальная, если мы вернем современной психологической науке достойные (релевантные) ее горизонты, т.е. вернем ей изначальную триединую проблему духовно-душевно-телесного со-ответствия в человеке в экзистенциальной встрече его с универсумом. Можно полагать, что основные парадигмы современной и постнеоклассической психологии (феноменалистическая, гуманистическая, экзистенциальная, трансперсональная, холистическая психология) в той или иной степени охвачены «нозтическим ренессансом» [13. С. 26, 28]. У нас создается впечатление, что этот ренессанс все более и более захватывает психологическую науку и практику. Мы солидарны с В.М. Розиным, который говорит о необходимости «духовной навигации» для каждого человека, в том числе и для тех, «кто не религиозен, кто «обходится без этой гипотезы», им определиться с ней труднее, так как она более индивидуальна, не опирается на столь проработанные культурные формы. Поэтому новый человек – это человек не просто конституирующий себя, т.е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь, наконец, работа на культуру, человека и здоровье, противостояние нежизненности и разрушению» [29].

Л.С. Выготский присоединяется к мнению тех исследователей и докладчиков, выступавших на Первом немецком конгрессе по лечебной педагогике (1922), которые отвергали концепцию *moral insanity* (моральной дефективности, помешательства или безумия) как душевной болезни, но понимали ее как «выпадение тех или иных ценностей или оценок, например мотивов поведения, мотивов ценностей, которые встречаются и у нормальных людей... их следует искать не во врожденном дефекте воли или извращении отдельных функций, но в среде и воспитании. Как недостаток нравственного воспитания» [4. С. 151].

Некоторые авторы считают, что сегодня на Руси правит бал бездуховность (жизнь не в цене, в том числе и здоровье), – это аксиома [24. С. 65]. С этой оценкой многие, наверное, согласятся. Один из примеров бездуховности или духовного нездоровья – несомненно, фанатизм, в разных сферах и формах сегодня проявляемый, следствием которого становятся терроризм и даже войны [9].

Нравное, пришло время «указать людям... и другие, нерелигиозные смыслы» [32. С. 57]. И в этом должна принять участие и психологическая наука. «Ведь научному анализу уже доступен весьма широкий спектр синхронизаций: ген – клетка – орган – организм – индивид – лич-

ность – социум – культура» [36]. Надо все сделать, чтобы греческое название человека «антропос» – «устремленный вверх», т.е. к духовности, – не было забыто, не должно быть забыто и то, что духовность не исчерпывается религиозностью, а потому можно думать о существовании и духовности нерелигиозной, светской или просто человеческой, которая со-ответственна за сохранение здоровья человека, является условием и характеристикой личностного развития и роста. Для человечества в конечном итоге

важен результат, т.е. присутствие у людей той или иной положительной духовности (сакральной или светской), содействующей установлению социального согласия и благополучия для всех. А потому не можем согласиться с пессимизмом Э. Фромма: «Если Ницше говорил: «В XIX веке Бог умер», то мы говорим: «В XX веке человек умер» [36]. Мы более оптимистичны: в XXI в. человек возрождается, по крайней мере в рамках антропологической психологической теории и практики.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1996. Т. 4. С. 184.
3. Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования: Ежегодник. 1977. С. 5–28.
4. Выготский Л.С. Moral insanity // Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
5. Гостев А.А. О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 4. С. 35–45.
6. Де Чико Т. Найти Я в психологии, духовности и религии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 46–52.
7. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию. Электронный ресурс. ИДО ТГУ, 2006.
8. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: ИП РАН, 2007.
9. Залевский Г.В. Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: ИП РАН, 2008. С. 314–340.
10. Залевский Г.В. От «демонической» до «биопсихосоциоэтической» модели психического расстройства // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 57–64.
11. Зинченко В.П. Отзывы на доклад А. Арсеньева «Философские основания психологии личности» // Развитие личности. 2002. № 2. С. 226–231.
12. Иванченкова Г.В. «Христианская благодатная психология»: как бы с религией и как бы с психологией // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 53–57.
13. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
14. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Введение в транспективный анализ. Томск, 2005.
15. Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.
16. Кузьмина Ю.В. Программа психологического сопровождения беременных женщин в контексте биопсихосоциоэтической модели беременности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 113–115.
17. Леонтьев Д.А. Кесарю – кесарю // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 58–63.
18. Леонтьев Д.А. Упрямство духа. Предисловие // В. Франкл: Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008. С. 5–10.
19. Лорус А.В. Психология – с религией или без нее? // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.
20. Лукьянова И.Е., Овчаренко В.А. Антропология. М., 2008.
21. Манеров В.Х. Духовность человека как ценность и предмет христианской психологии // Доклад Покровских педагогических чтений. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy>
22. Морозов С.М. Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л.С. Выготского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
23. Платонов Г.В., Косичев А.Д. Проблема духовности личности (состав, типы, значение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1998. № 2.
24. Пономаренко В.А. С верой в науки о человеке // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
25. Психология. Специальная тема выпуска. Психология – с религией или без нее? 2007. Т. 4, № 2. С. 56–97.
26. Психология. Специальная тема выпуска. Психология и религия – дискуссия продолжается. 2007. Т. 4, № 4. С. 3–123.
27. Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
28. Розин В.М. Психология и христианство: автономия, объединение или коммуникация? // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 74–89.
29. Розин В.М. Еще раз о возможности православной, святоотеческой психологии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 113–120.
30. Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Психология. 2007. Т. 4, № 2. С. 90–97.
31. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С. 38–124.
32. Ушакова Т.Н. От редколлегии // Психология. 2007. Т. 4, № 4. С. 5.
33. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
34. Франкл В. Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2008.
35. Bertalanffy L. General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
36. Fromm E. Escape from Freedom. N.Y., 1941.
37. Straub R.O. Health Psychology. N.Y., 2001.

ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY: BIOPSYCHOSOCIOETHICAL MODEL OF PERSONALITY AND HIS HEALTH
Zalevskij G.V., Zalevskij V.G., Kuzmina Y.V. (Tomsk)

Summary. In the article is given the analysis of one of the fundamental questionnaires of the methodology of clinical psychology not solved yet in the general psychological plan: the place of the concept spirituality in the structure of the psychological scientific knowledge. The evolution of ideas about the general models (paradigms and research programs) of mental illness, relations of psychology and religion to the roll of spirituality in the personality development and its health.

Key words: model; organic; biomedical; psychosocial; biopsychosocial; biopsychosocioethical; spirituality; faith; health.